

Научные дискуссии

С. Г. Новиков

ВОСПИТАНИЕ ПОЛОВОЙ МОРАЛИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЁЖИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ДИСКУССИИ 1920-Х ГОДОВ

УДК 37.043
ББК 74.913(2)

В статье рассматриваются дискуссии по проблемам половой морали молодёжи, проходившие в Советской России в 1920-е гг. Автор полагает, что их плодотворное обсуждение было прекращено вследствие перехода страны к форсированию «социалистического строительства».

Ключевые слова: воспитание, половая мораль, «новый человек», сексуальная революция.

S. G. Novikov

UPBRINGING OF SEXUAL MORALITY OF THE SOVIET YOUTH: A RETROSPECTIVE VIEW AT DEBATES IN THE 1920-s

The article deals with debate on sexual morality of young people, which took place in Soviet Russia in the 1920-s. The author believes that their fruitful discussion was terminated by accelerated “construction of socialism”.

Keywords: Upbringing, sexual morality, «new man», sexual revolution.

Крушение Советского Союза двадцать лет назад вызвало не только распад многих социальных структур, но и девальвацию прежней системы

ценностей, нравственную дезориентацию общества. Поэтому неудивительно, что в молодежной среде стали возникать новые для России социальные

практики, включая экспериментирование в области отношений между полами. Впрочем, анализ исторического прошлого показывает, что в минувшем столетии наша страна однажды уже переживала «сексуальную революцию». Она произошла в 1920-е годы, когда в условиях осуществления относительно «либеральной» нэповской политики стало возможным вести активный поиск жизненных практик. Иные из последних были весьма непривычными для традиционного российского общества. А проводились они в значительной мере идейным сумбуром, царившим в головах неофитов русифицированного марксизма (той интерпретации учения К. Маркса и Ф. Энгельса, которой руководствовались большевики). Адепты этой идеологии отправляли на «свалку истории» многовековые образцы поведения и нравственные нормы, объявлявшие «наследием проклятого прошлого». «Прахом старого мира» провозглашали танцы, галстуки, любовь и пр. Пародируя данную позицию, комсомольский журналист В. Кузьмин писал в фельетоне: «В этом пункте мы имеем влияние на некоторых членов союза разных стихов и другого хлама, которые сочинялись поэтами и прочими бумагомарателями о том, что любовь есть украшение личной жизни, а не голое размножение, что она должна быть как букет хороших цветов и прочая “плешь”, между тем любви нет, а есть физиологическое явление природы, и телячьи нежности тут решительно ни при чем» [1. С. 66]. Характерно, что редакция газеты получила немало положительных отзывов на эту публикацию от молодых людей,

воспринявших ироничный текст совершенно серьезно.

Надо сказать, что «разбросанность молодежи в половых отношениях» серьезно беспокоила многих видных деятелей режима. В том числе и тех, кто разрабатывал стратегию воспитания «нового человека» — личности, на плечи которой должна была лечь ответственность за строительство общества социальной справедливости. Однако нельзя не признать, что у самих большевистских теоретиков отсутствовало единое представление о сексуальной морали строителей «нового мира». Так, если А. М. Коллонтай призывала дать «Дорогу крылатому Эросу», то Д. З. Мануильский выступал в весьма аскетическом духе. В 1923 г. член ЦК партии и будущий академик призывал молодежь «к старой “подпольной” морали, к той морали, которая приучила старых подпольщиков ... быть спартанцем во всем, *уделять очень мало внимания сексуальным мудрствованиям, учиться, читать, работать* (курсив наш — С. Н.)» [9. С. 362].

При наличии столь серьезных различий в позициях ведущих деятелей правящей партии, «рядовые» практики воспитания и партийные пропагандисты и вовсе предлагали молодежи самый широкий спектр рекомендаций относительно правил отношений между полами. Поэтому Е. А. Преображенский (председатель Главного управления профобразования Народного комиссариата просвещения РСФСР) имел все основания написать: «До сих пор защитники той или иной точки зрения в этом вопросе, скорее, обосновывали всевозможными аргументами свои личные вкусы и

привычки в этой области, чем давали правильный, социологически и классово обоснованный ответ». Далее авторитетный теоретик воспитания пояснил: «...кто, по своим склонностям, предпочитал моногамию, тот пытался возвести в догмат и норму моногамную форму брака, подбирая для этого медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать быстротечные браки и “половой коммунизм” за естественную форму брака в будущем обществе, причем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматривают как протест на деле против мещанской семейной морали настоящего» [10. С. 97–98].

Однако практически все идеологи и пропагандисты в той или иной степени выстраивали собственные размышления по проблемам воспитания половой морали вокруг рассуждений А. М. Коллонтай, чьи «Письма к трудящейся молодежи» буквально всколыхнули «пролетарскую общественность». В своих статьях она высказывала твердую убежденность в том, что вместе «с победой коммунистических принципа и идеалов в области политики и экономики неизбежно должна совершиться и революция в мировоззрении, в чувствах, в строе души трудового человечества» [6. С. 111]. Соединив тем самым «пролетарскую революцию», «революцию на духовном фронте» и «половой вопрос», Коллонтай предложила молодежи обсудить проблему нравственных начал интимных отношений в постреволюционную эпоху. Видная большевичка, с одной стороны, резко осудила «нездоровую похоть», превращение по-

лового акта «в самодовлеющую цель, в способ доставить себе ещё одно “лишнее наслаждение”» [6. С. 119]. А с другой — посчитала исторически изжитым союз между мужчиной и женщиной, скрепленный экономическими интересами (стремлением «к повышению благосостояния и богатства обособленной от общества семейной ячейки») [6. С. 112–118]. Коллонтай воспевала «крылатое» любовное чувство и решительно осуждала «бескрылую», бездуховную половую связь. Она предлагала ориентировать молодежь на «любовь-товарищество», объяснять юношеству, что именно в такой любви, очищенной от ханжества «буржуазной морали» и «бескрылого» секса, как раз и разовьются «те свойства души, которые нужны для строителей новой культуры: чуткость, отзывчивость, желание помочь другому» [6. С. 119–124]. Разъясняя собственную позицию, она писала, что совершенно безразлично «принимает любовь как форму длительного и оформленного союза или выражается в виде преходящей связи» [6. С. 122]. Главное, утверждала она, это *содержание* чувства.

Однако подобная ориентация полового воспитания молодежи встретила явное непонимание со стороны многих теоретиков и пропагандистов. Они увидели в статьях Коллонтай то, чего там не было — завуалированную апологетику сексуальной распущенности. Отдельные участники дискуссии вообще отрицали необходимость обсуждать вопросы половой морали и полового воспитания молодежи. Так, П. Виноградская в статье «Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай»

убежденно заявляла: «Усиление интереса к вопросам пола, любви, увеличение удельного веса этих вопросов в литературе в период еще не законченной классовой борьбы должно говорить об усилении реакционно-буржуазно-дворянских тенденций за счет пролетарских; о передвижке в идеологической области от революционного класса в сторону его классовых врагов» [2. С. 206].

Аналогичную позицию занимал педолог и психоаналитик А. Б. Залкинд, ставший одним из основных оппонентов А. М. Коллонтай. В середине 1920-х гг. он выпустил в свет ряд статей, посвященных проблеме полового воспитания. Его публикации «Половой вопрос и красная молодежь в СССР», «О классовом подходе к половому вопросу» и другие вызвали споры, отклики в печати. Интеллектуальные претензии Залкинда были исключительно велики: он намеревался разработать подлинно марксистскую модель полового поведения молодежи. В этой связи Залкинд критиковал Коллонтай, утверждая, что чрезмерное внимание вопросам пола способствует росту индивидуалистических начал в психологии людей, неизбежно отвлекает их от участия в строительстве нового общества. Педолог замечал: «Очень боюсь, что при культе “крылатого Эроса” у нас будут плохо строиться аэропланы» [4. С. 248]. Стремясь оздоровить жизнь «пролетарского юношества» и оградить его от разлагающего влияния теории «свободной любви», Залкинд предложил молодежи «XII половых заповедей революционного пролетариата», которые должны были стать

сборником правил «классовой самозащиты». Их автор провозглашал право класса вмешиваться «в интересах революционной целесообразности» в половую жизнь «своих сочленов». Он писал, что половая жизнь перестает быть частным делом отдельного человека и подлежит регламентации. Залкинд не сомневался, что половое влечение к представителю враждебного класса является разновидностью полового извращения, подобно влечению «к крокодилу, орангутангу». Он полагал, что в отношении между мужчиной и женщиной не должны «вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевания», нравственно калечащие молодежь. Главной же «половой приманкой» для молодых людей должно было стать «классовое достоинство» [3].

Позиция А. Б. Залкинда не была результатом ультралевого фразерства человека, ловко орудующего пером. Она являлась лишь крайним выражением подхода, получившего широкое распространение у советских теоретиков полового воспитания. Например, высокопоставленные авторы, даже не вступавшие в прямую полемику с Коллонтай, неодобрительно отзывались о ее идейных изысканиях. Так, Е. М. Ярославский, рассуждая о «буржуазных теориях» пола, по сути, поставил в этот ряд и художественно-публицистический очерк А. М. Коллонтай «Любовь пчел трудовых» [9. С. 337]. Д. З. Мануильский, другой крупный теоретик, упрекал прессу за то, что она вместо анализа международной ситуации уделяет внимание «общим “бытовым” рассуждениям, в

которых не последнее место занимают размышления о крылатом и бескрылом Эросе» [9. С. 351]. Несколькими абзацами ниже, возвращаясь к данному сюжету, Мануильский задумчиво вопрошал: «Нет ли здесь в этом, исключительно повышенном интересе к вопросам сексуальным, к вопросам развала старой семьи, к половой этике черт некоторого упадка? Статья, например, тов. Коллонтай о ее крылатом Эросе встретила среди нашей молодежи гораздо больший интерес, чем статьи о кооперации и ликвидации неграмотности» [9. С. 356].

Критикуя неких анонимных ультралиберальных проповедников, но, явно имея в виду, прежде всего, Коллонтай, Мануильский заявлял, что жена-работница, от которой пахнет «аммиачными испарениями детских пеленок» гораздо нравственнее, чем «современная юная „передовая“ женщина, трактующая высокомерно эту женщину-героиню как мещанку и во имя „морали будущего“ сама превращающаяся в сезонную наложницу» [9. С. 357]. При всей своей бесспорности данный тезис был выражением принципиального нежелания теоретика вообще моделировать какие-либо *новые* поведенческие образцы. Иронизируя по поводу каких-то «длинных статей», он фактически отождествлял размышления Коллонтай с проповедью «огарочной философии «о свободной любви», которую так широко практикует наповская улица» [9. С. 357].

Впрочем, в массовом педагогическом сознании взглядам А. М. Коллонтай обычно противопоставлялась позиция С. Н. Смидович. Недаром в молодежной среде ходила полу-

шутливая строчка: «Она любила по Смидович, а он любил по Коллонтай» [11. С. 100]. Однако примечательно, что видные партийные теоретики не дискутировали друг с другом непосредственно. И вовсе не потому, что Коллонтай уже в 1923 г. оказалась на дипломатической работе за границей. Представляется, что в действительности между их точками зрения на половую мораль не было принципиальных расхождений. Ведь Коллонтай под сексуальной свободой личности понимала не право на беспрепятственную смену партнера, а право индивиду руководствоваться в интимных отношениях чувствами, освобожденными от скреп материального интереса. Думается, ей был близок сарказм Смидович, высмеивавшей «африканские страсти» современного ей «сексуального революционера», этакого «мальчика-самца», оценивающего половое воздержание как мещанство [12]. Против подобной «свободы нравов» выступала и Коллонтай. Но общественное мнение так и не сумело обнаружить сходства в позициях обеих старых социал-демократок и упорно держалось за клише, навязанное ему не слишком вдумчивыми авторами.

В контексте дискуссии о половой морали и половом воспитании подростков и юношества следует рассматривать публикацию в 1925 г. воспоминаний К. Цеткин о ее встречах и беседах с В. И. Лениным. В них содержались оценки, данные вождем большевиков, теории стакана воды, утверждавшей, что любовное влечение в новом обществе будет удовлетворить так же просто, как чувство жажды. Слова Ленина звучали очень хлестко и сов-

ременно: «От этой теории “стакана воды” наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта марксистская. Спасибо за такой “марксизм”...» [13].

Популяризации ленинской точки зрения уделил большое место в своем докладе 1926 г., посвященном морали и быту, Ем. Ярославский. Он обращал особое внимание собравшихся на ленинскую оценку половой несдержанности как буржуазного разложения, на то, что вождь большевизма осуждал всякое опьянение — и половой несдержанностью, и алкоголем.

Эти ленинские мысли, растиражированные докладчиками, стали аксиомой для теоретиков и практиков полового воспитания молодежи. Но вот интерпретированы они были, на наш взгляд, не вполне адекватно. Типичными выглядят, с нашей точки зрения, комментарии к ним того же Е. М. Ярославского. Резонно выделяя для молодых людей ленинскую идею о социальном характере семейно-брачных отношений, о важности создания нормальных условий для воспитания ребенка, о недопустимости легкомысленного подхода к вопросам секса, он совершенно запутал вопрос о том, происходит или нет вместе с социальной революцией переворот в сфере половой морали. Пускаясь в наукообразные рассуждения, Ярославский говорил: «Молодежи нет дела до законов природы, до того, на что предназначены элементы внутренней половой секреции, что это элементы, крайне важные для всей нашей нервной системы; и так как удовлетворение половых пот-

ребностей является в раннем возрасте наиболее приятной и легкой тратой нервной энергии, так как это есть линия наименьшего сопротивления, то по этому пути и идет растрата чрезвычайно ценной нервной энергии; а для мозговой работы, для огромной борьбы, которая предстоит молодому поколению.... — что остается?». А в заключение, словно желая окончательно запутать аудиторию, Е. М. Ярославский вообще заявлял, что «к этому вопросу мы подходим исключительно с точки зрения социальных последствий, социальной гигиены, *вовсе не с точки зрения морали* (?! — курсив наш, С. Н.)...» [9. С. 336]. Автор, похоже, не замечал всей странности подобного утверждения в докладе с характерным названием «Мораль и быт пролетариата в переходный период».

Впрочем, позиция Ярославского прояснялась, когда он переходил к критике «ошибочных представлений» большевички Коллонтай, да еще О. Уайльда (чем докладчик демонстрировал свою эрудицию). При этом секретарь ЦКК партии ставил на одну доску вульгарные рассуждения типа «женщина есть поле для обсеменения, для оплодотворения» и прогнозику теоретика и пропагандиста, попавшего к тому времени в опалу. Докладчик, обыгрывая название очерка проповедницы новой половой морали («Любовь пчел трудовых»), язвительно напоминал, что в природе пчелы занимаются не любовью, а трудом, в отличие от трутней, которые «гоняются за матками». Завершался же данный пассаж советом: «...если уж избирать примеры, то я думаю, что лучше учиться у Маркса, у Чернышевского, чем

учиться хотя бы у т. Коллонтай» [9. С. 338].

Процитированное нами замечание авторитетного теоретика и пропагандиста свидетельствует, что у иерархов идейно-воспитательной работы второй половины 1920-х гг. уже был утрачен интерес не только к поиску по-настоящему новых идей в области этики, но и интерес к внимательному прочтению трудов основоположников собственной идеологии — К. Маркса и Ф. Энгельса. Последний, между тем, в области семейно-брачных отношений разделял позицию, весьма близкую взглядам нещадно критикуемой А. М. Коллонтай. Соратник Маркса предполагал, что будущий социальный переворот внесет самые радикальные изменения в отношения между полами. Энгельс считал, что исчезнет не только проституция, но и фактическая полигамия для мужчин. С экономическим освобождением женщины, думал он, изменится и половая мораль, утвердится *действительная* моногамия. Брак будет иметь ценность для людей до тех пор, прогнозировал Энгельс, пока он будет сохранять нравственный характер, т. е. основываться на *любви* [8. Т. 21. С. 78, 79, 84, 85].

Пожалуй, наиболее тонко к проблематике половой морали «нового человека» подошел А. В. Луначарский. Он, в отличие от многих своих высокопоставленных однопартийцев, не боялся выступать с прогностическими заявлениями. Так, нарком просвещения выражал уверенность, что в будущем с исчезновением социальных условий, извращающих естественные человеческие чувства и потребности, мужчины и женщины создадут «ог-

ромную поэму любви». Положительно оценивая долговременный любовный союз («гармонию»), Луначарский, тем не менее, не видел ничего аморального в том, если чувства побудят мужчину или женщину на протяжении жизни сменить своего спутника. При этом нарком просвещения не обходился стороной и главной заботы сторонников нерасторжимости брака — судьбы детей. Луначарский предполагал, что в будущем коммунистическом обществе также останется необходимой защита интересов матери и ребенка. Нарком просвещения несколько рискованно заявлял, что абсолютное равенство полов в принципе не достижимо. И потому, учил Луначарский молодежь, строя свои отношения, мужчина никогда не должен забывать о своей ответственности за будущее доверившихся ему людей. Нарком писал: «...общество может сказать: мне нет дела до того, как ты устроил свое счастье: устраивай так, как ты считаешь нужным, но не обижай женщину: она слабее тебя» [7. С. 44].

На наш взгляд, мысли, высказанные Коллонтай и Луначарским, были несомненно ближе к позиции основоположников марксизма, да и к позиции основателя советской государственности, нежели тезисы, выдвинутые Ярославским, Мануильским, не говоря уже о рассуждениях Залкина. Последним авторам не хватало диалектичности в теоретических построениях и последовательности в логике, которыми отличался тот же Ленин. Оценивая коммунизм как «истинное царство свободы», вождь большевизма логично возвещал и неизбежность падения в этом обществе ограничений свобо-

ды любви. Данная мысль, в отличие от ленинской критики нарождавшейся «эмансипации тела», не была освоена ни Ярославским и Мануильским, ни их последователями из числа воспитателей «пролетарской молодежи».

К середине 1920-х годов большевистские иерархи явно уже хотели переключить внимание молодежи с проблем половой морали на *макросоциальные* проблемы. Однако поиск нравственных основ взаимоотношений мужчины и женщины все же еще некоторое время продолжался. Второе дыхание ему придали публикации в 1926–1927 гг. повестей Л. Гумилевского «Собачий переулок», С. Малашкина «Луна с правой стороны», рассказа П. Романова «Без черемухи». Перечисленные литературные произведения имели главной темой половую жизнь молодежи и вызвали большой резонанс в обществе. Они породили оживленную полемику на собраниях рабочего юношества и студенчества, в средствах массовой информации. Свои соображения об идейно-художественном уровне этих произведений, об их соответствии действительному состоянию нравственности молодежи высказали как сами студенты (например, в журналах «Молодая гвардия», № 12 за 1926 г., или «Красное студенчество», № 7 за 1927 г.), так и крупные партийные деятели — члены Президиума ЦКК С. И. Гусев, С. Н. Смидович. Старый большевик П. Ионов, словно резюмируя позицию своих товарищей, писал в «Правде»: «Мы отнюдь не предаем проклятию физиологию. Мы не считаем ее позорной и стыдной...». Однако, продолжал он, полагаем необходимым сделать «наши бытовые

отношения — и в первую очередь отношения между мужчиной и женщиной — простыми и чистыми — человеческими и потому красивыми» [5].

Похоже, последней попыткой обсудить вопросы полового воспитания молодежи стала дискуссия, развернувшаяся на страницах теоретического органа ЦК ВЛКСМ «Юный коммунист» в 1927 г., инициированная статьей И. Ипполита «Право на любовь». Ее автор протестовал против отождествления любви с физиологическим процессом и, критикуя половую распущенность, взывал к социальной гигиене. Ипполит так пояснял свою позицию: «...мы подчиняем свои симпатии классовым задачам пролетариата. Интересы рабочего класса требуют здоровых поколений людей. Наша смена должна быть высокоорганизованной человеческой материей, безукоризненно здоровой физически и психически, сильной и выносливой. А для этого в свою очередь — здоровые родители, крепкая семья, правильное воспитание. Отсюда — необходимость прочных и длительных связей, большей строгости в выборе пары, подлинной любви, а не хаоса случайных встреч и мимолетных романов» [14. С. 60].

Однако вполне официозные рассуждения И. Ипполита неожиданно для автора статьи подверглись критике как сентенции, излишне будирующие проблематику секса. А. Сараджев в статье «На “стыдную” тему» писал с упреком: «В спорах, книгах научных и художественных, печати и докладах, если половой вопрос выпячивается вперед, то результатом является то, что этот вопрос начинает в психике

молодежи занимать центральное место» [14. С. 57]. Оппонент Ипполита, судя по всему, вообще не находил актуальной проблему разработки половой этики «нового человека» и его полового воспитания. Интерес же подростков и молодежи к вопросам пола, с его точки зрения, искусственно вызывался самими дискуссиями. По сути, с А. Сараджевым солидаризировался другой участник дискуссии — И. Незнамов. Патетически восклицая, он убеждал читателей: «Мы не можем допустить, чтобы наша молодежь могла влюбляться “до безумия”, “забывать все на свете” ради объекта своей любви» [14. С. 60–61]. Для лечения же подобной «болезни» Незнамов предлагал апробированный в военно-коммунистические времена подход — объявить любовь «буржуазным предрассудком». За такое «левачество» его подверг критике четвертый участник полемики — С. Милейко. «Где зерно незнамовских ересей? — вопрошал последний в статье «Эротическая ересь и еретическая любовь». — Еретик боится, что молодежь “заявшись любовью, забудет дело”. Отсюда нумерация планов и теория “голої физиологии” в самом примитивном смысле...» [14. С. 66]. Не избежал упреков со стороны Милейко и инициатор дискуссии Ипполит за излишнее, по его мнению, социологизаторство.

Таким образом, теоретический журнал отразил на своих страницах весь спектр мнений по половому вопросу: от нежелания вообще регулировать интимные отношения моральными нормами как отношений чисто физиологических до постулирования строжайшей

моногамии как нравственного правила. К сожалению, дискуссия была достаточно быстро свернута самим ее невольным инициатором (И. Ипполитом). В статье «Последнее слово подсудимого» он резюмировал: «Чтобы не заедать чужого времени, я кончаю, кончаю тем же, чем начал: мы всласть наговорились о любви и браке, исписали вагон бумаги, довели вопрос до предельной ясности — давайте, товарищи, кончать. Разговоры должны смениться делом: надо воспитывать твердое, уверенное в себе комсомольское общественное мнение, крепящее устои социалистической морали и семьи; отличающее добро от зла и любовь от распутства; авторитетное и настойчивое, чтобы его уважали, чтобы с ним считались, чтоб от его приговора, как клейма на лбу, трепетали вольные и невольные мародеры пола» [14. С. 71].

С пожеланиями И. Ипполита, конечно, в основном можно согласиться и сегодня. Действительно, крайне важно в интересах воспитания здоровой половой морали выработать у юношей и девушек четкую ценностную систему координат. Разумной выглядит и рекомендация И. Ипполита формировать в молодежной среде такой морально-психологический климат, который сделает невозможным низведение человека до уровня животного. Однако вызывает недоумение убежденность автора «Юного коммуниста» в том, что *теоретически* проблема полового воспитания уже приобрела вполне ясные контуры. С нашей точки зрения, ситуация выглядела отнюдь не столь однозначной. Хотя большевистские теоретики воспитания и высказались решительно против «сексуальной рас-

крепощенности», ими так и не была решена другая сторона вопроса — отсутствовала четкая оценка интимных отношений, не связанных узами брака, но построенных на любви. Молодежи не был дан развернутый ответ на вопрос: в чем состоит *новизна* половой морали советского общества, если она осуждает внебрачные отношения точно так же, как и мораль дореволюционной России?

Впрочем, есть основания предположить, что И. Ипполит, говоря об исчерпанности проблемы, соблюдал должную «политкорректность». Раз «старшие товарищи» сочли, что не следует углубляться в «половой вопрос», значит, полагал дисциплинированный партиец, так тому и быть. Очевидно, главным для него было утвердить в головах подростков и юношей мысль о несоответствии «разбросанности» в половой сфере моральным нормам строителя «нового мира», развенчать ореол революционности, сложившийся вокруг неупорядоченных связей. А в этом направлении, действительно, в ходе дискуссий 1920-х гг. было сделано немало. Вместе с тем, осудив «сексуальную революцию» за осуществление ею дегуманизации отношений между полами, вожди «воспитательного фронта» оставили без внимания проблему, поднятую Коллонтай, — проблему свободы любви и подменили ее проблемой семейного долга. Поэтому критика сексуальной распущенности в 1920-е гг. свелась преимущественно к критике *формы*, а не содержания поведения человека. Молодежь, читая статьи и слушая доклады большевистских теоретиков, понимала, что нравственную окраску сокровенным связям

мужчины и женщины придает только зарегистрированный брак, в то время как «незаконное сожителство» влюбленных является аморальным.

Пожалуй, лишь Луначарский оставался во второй половине 1920-х гг. единственным крупным большевистским теоретиком, стремившимся в своих размышлениях выйти за границы социально-утилитарного подхода к проблеме семейно-брачных отношений и определить перспективы развития половой морали. Исходя из марксистских представлений о социальном устройстве будущего, он писал, что когда «не будет государства, нам не нужно будет суда иного, кроме общественного мнения». Люди, прогнозировал нарком, «перевоспитаются таким образом, что будут карать общественным мнением человека, который обидел в любви женщину и будут считать его негодным человеком, человеком низшего порядка (курсив наш — С. Н.)» [7. С. 44]. Но со временем, предполагал он, и общественное мнение утратит свою регулятивную роль, уступит место внутреннему регулятору поведения индивида — совести. Луначарский был убежден в неизбежном подъеме человеческого рода на новую, более высокую ступень нравственного развития. «В силу экономических условий и в силу *правильного воспитания, самоанализа и самодисциплины*, — заключал теоретик, — человек поймет, что отцом и матерью зря быть нельзя, что это есть один из тончайших видов творчества. Человек поймет, что надо оздоровить человечество (курсив наш — С. Н.)» [7. С. 45].

Однако и данная знаковая фигура большевизма перестает на рубе-

же 1920—1930-х гг. высказываться по проблемам сексуальной морали. И этот факт вполне укладывается в общую тенденцию. После 1929 г. прекращается обсуждение темы полового воспитания молодежи, где бы то ни было — в печати, на собраниях. И если в начале 1920-х годов по степени популярности в молодежной среде «половой вопрос» конкурировал с самыми животрепещущими политическими вопросами («китайской революцией», «забастовочным движением в Англии» и пр.), то в начале 1930-х на него налагается своего рода табу. В партийно-государственных структурах восторжествовала установка на воспи-

тание человека-«унисекс». Именно такой индивид отвечал интересам форсированной модернизации общества. Потому всякие «копания» индивида в глубоко личностном, его интимные переживания объявлялись мешающими делу «социалистической реконструкции народного хозяйства». Тем самым было покончено как с планами разработки половой морали нового социума, так и с идеей сексуального воспитания в СССР. Понадобились социальные трансформации, инициированные руководством страны (т.н. «перестройка» 1985—1991 гг.), чтобы общество вернулось к обсуждению этих важных проблем человеческого бытия.

Список литературы

1. Быт и молодежь : сб. ст. / под. ред. А. Слепкова. — М. : изд. Правда и Беднота, 1926. — 96 с.
2. Виноградская, П. Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай / П. Виноградская // Красная новь. — 1923. — № 6. — С. 180—186.
3. Залкинд, А. Б. Революция и молодежь / А. Б. Залкинд. — М. : Издательство коммунистического университета им. Свердлова, 1925. — 126 с.
4. Залкинд, А. Б. Половая жизнь и современная молодежь / А. Б. Залкинд // Молодая гвардия. — 1926. — № 6. — С. 66—78.
5. Ионов, П. Без черемухи / П. Ионов // Правда. — 1926. — № 281. — С. 3.
6. Коллонтай, А. М. Дорогу крылатому Эросу / А. М. Коллонтай // Молодая гвардия. — 1923. — № 3. — С. 111—124.
7. Луначарский, А. В. Мораль с марксистской точки зрения / А. В. Луначарский. — Харьков : Пролетарий, 1925. — 45 с.
8. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс. — 2-е издание. — М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954—1981. — 359 с.
9. Партийная этика (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) / под ред. А. А. Гусейнова [и др.] — М. : Политиздат, 1989. — 509 с.
10. Преображенский, Е. А. О морали и классовых нормах / Е. А. Преображенский. — М. ; Пг. : ГИЗ, 1923. — 120 с.
11. Роговин, В. З. Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х годов / В. З. Роговин // Социальные исследования. — М., 1970. — Вып. 4. — С. 88—114.
12. Смидович, С. О любви / С. Смидович // Правда. — 1925. — С. 2.
13. Цеткин, К. Из записной книжки / К. Цеткин // Воспоминания о В. И. Ленине. — М. : Политиздат, 1969. — Т. 5. — 452 с.
14. Юный коммунист: руководящий журнал комсомольского актива: орган ЦК и МК ВЛКСМ. — М. : Правда, 1918—1938. — 42 с.